

УДК 115.85.23

ИЗ КОГОРТЫ ВЫДАЮЩИХСЯ ДИПЛОМАТОВ

© 2011 г. **В.А. Соколов***

*Московский государственный университет
культуры и искусств*

Автор анализирует наследие известных российских дипломатов – отца и сына Трояновских.

Ключевые слова: *Потомственность (семейственность) в дипломатии, значение осторожности, сдержанность и гибкость в проведении внешней политики, советско-американские отношения, деловые связи, вопросы культуры, «доктрина Монро», ООН и многосторонняя дипломатия.*

Однажды в беседе с О.А. Трояновским министр иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе сказал, что он начал борьбу против семейственности в дипломатической службе:

- Нам в МИДе не нужно столбового дворянства!
- Вам тогда придётся и меня уволить, ведь мой отец был первым послом Советского Союза в США, – нашёлся Трояновский.

Министр, внимательно посмотрев на своего подчинённого с сардонической улыбкой, ответил:

- Вас это не касается [4, с. 60].

Потомственный дипломат, отец которого А.А. Трояновский был активным участником революционного движения в России, а затем уже при советской власти, после работы на ответственных государственных постах, полпредом СССР в Японии и США, Олег Трояновский достаточно уверенно сохранял семейную традицию. Породнившись ещё «на заре туманной юности» в американской школе с английским языком, он прекрасно справлялся с обязанностями переводчика на высшем уровне. Поработав на разных должностях государственной и дипломатической службы, Трояновский-младший в 1967 г., как и его отец, был направлен послом СССР в Японию и находился там девять лет. Следующие девять лет он занимал должность постпреда СССР в Нью-Йорке. А завершил службу О.А. Трояновский в 1989 г. в ранге посла СССР в Китайской Народной Республике, войдя в когорту выдающихся дипломатов. Именно под таким названием – «Из когорты выдающихся дипломатов», в связи с

* СОКОЛОВ Владимир Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики МГУКИ. E-mail: NSOKOL_21@mail.ru

90-летием со дня его рождения Дипакадемия МИД РФ выпустила книгу-сборник с участием его супруги Т.А. Трояновской, содержащую воспоминания его друзей и коллег, выступления и главы из мемуаров самого Олега Александровича, которая уже давно стала библиографической редкостью [4; 5]*. Воспользуемся мы и вступительной статьёй Трояновского-старшего к книге английского дипломата Э. Сатоу [3].

Сборник Дипакадемии открывает предисловие министра иностранных дел России С.В. Лаврова, назвавшего О.А. Трояновского «дипломатом с большой буквы», дипломатическое наследие которого востребовано и в наши дни [4, с. 9]. Талант дипломата Трояновский-младший перенял от своего отца. Своеобразный генетический (он же – дипломатический) код закладывался ещё в период революционной деятельности Трояновского-старшего, когда сам Ленин однажды пророчески воскликнул – «так вы, оказывается, настоящий дипломат!» – после удачной сделки Александра Антоновича со спонсором издания сборника большевистских статей Д.Б. Рязановым, не входившим

в то время в РСДРП. У Трояновского-старшего отмечалось также умение затягивать свои выступления в Учредительном собрании, т.е. использовать своего рода флибустьерство, как такой парламентский приём называют в Соединённых Штатах.

В целом материалы сборника, высказывания и размышления самого О.А. Трояновского, представляют своеобразное пособие на тему, как надо строить отношения с Соединёнными Штатами**.

Если попытаться воспроизвести наставления или советы обоих дипломатов, то, опираясь на краткую, но ёмкую вступительную статью Трояновского-старшего к книге Э. Сатоу [3] и воспоминания его сына, можно выстроить некую приоритетность таких рекомендаций, в том числе с учётом американского опыта:

1) По понятным причинам, **на первое место выходит вопрос знания языка**. Достаточно строг на этот счёт Трояновский-старший: «В дипломатической практике некоторые трудности представляет вопрос о языке. Во всяком случае, при переговорах лучше пользоваться своим родным языком, чем плохо

* Памяти О.А. Трояновского посвятила свою недавно вышедшую монографию об эволюции внешней политики США его дочь, М.О. Трояновская (см.: с. 91). – *Ред.*

** Любопытно высказывание Трояновского-старшего, говорившего, что работать в Японии ему было значительно легче, чем в Вашингтоне: «Если Японию можно было сравнить с роялем, то Соединённые Штаты представляли собой целый симфонический оркестр» [5, с. 56].

говорить на иностранном языке» [3, с. 14]. Прекрасное знание английского языка Трояновским-сыном стало «своего рода мощным “ракетоносителем”, который вывел его на орбиту большой дипломатии», читаем мы в сборнике [4, с. 112]. Так, на Женевской конференции глав государств и правительств 1955 г. при выверке текста заключительного документа как следует потрудиться пришлось ему одному. Без ложной скромности он писал: «К счастью, в то время у меня была отличная память, натренированная рядом лет переводческой работы, и достаточно хорошее знание международных вопросов» [5, с. 189]. Но, переключившись на дипломатическую деятельность, О.А. Трояновский, по его же словам, уже не смог бы быть переводчиком, так как «эта профессия требует ежедневной работы над собой» [4, с. 114].

Представляет интерес, как оценивало знания дипломата суровое начальство. А.Я. Вышинский говорил: «Язык ваш – враг ваш», имея в виду, что хорошо знание языка мешает О. Трояновскому продвигаться по службе. Не менее любопытными предстают зарисовки Трояновским-переводчиком требовательного стиля работы В.М. Молотова: «Накануне открытия московской сессии Совета министров иностранных дел четырёх держав в апреле 1947 г., когда я впервые должен был переводить ему, он вызвал меня поздно вечером и стал расспрашивать, достаточно ли уверенно я себя чувствую, хорошо ли разбираюсь в тех вопросах, которые стоят на повестке дня конференции, и т.д. А после первого заседания министров интересовался у присутствовавших, как звучал мой перевод, всё ли соответствовало сказанному им. Получив положительный ответ, он уже больше никогда не возвращался к этим вопросам» [5, с. 189].

При всех известных критических претензиях к Молотову описанная требовательность к труду переводчика не может не вызывать уважения. Впечатляет как характеризовал Молотова – своего «идеологического антипода» – государственный секретарь США Джон Фостер Даллес, который писал, что «никогда не встречал такого высокого дипломатического мастерства, какое проявил Молотов» [5, с. 138]. О.А. Трояновский объясняет эту, по его мнению, явно завышенную оценку тем, что «в характерах Молотова и Даллеса было немало общего: оба были догматиками до мозга костей, оба считали, что системы, которые они представляли, несовместимы, оба скептически относились к возможности каких-либо договорённостей между США и СССР...» [5, с. 138].

Нетрудно было О.А. Трояновскому переводить Сталина, у которого хотя и «был сильный грузинский акцент, но по-русски он выражал мысли правильно и точно, используя богатый набор слов. Он говорил короткими фразами, а пе-

риоды между паузами не были длинными, так что для переводчика не составляло труда делать заметки, а затем воспроизводить его высказывания» [5, с. 149]. Любопытно признание О.А. Трояновского по поводу своей переводческой оплошности в случаях с часто употребляемым Сталиным выражением «мы, русские», которое Олег Александрович автоматически переводил на английский как «мы, советские». Он скоро осознал, что Сталин, будучи грузином, называл себя русским умышленно. «Впредь я исходил из того, что коль скоро Сталин хотел называть себя русским – пусть он будет русским и по-английски» [5, с. 151]. Иначе ему могло бы попасть за такую самодеятельность. Завершая лингвистический аспект дипломатического наследия Трояновских, приведём ещё один сюжет из воспоминаний сына: «Киссинджер говорил по-английски с сильным немецким акцентом, и поэтому он с удивлением воскликнул: “Что же это получается: русский посол говорит по-английски лучше, чем бывший государственный секретарь США!”» [5, с. 340].

2) **Осторожность и сдержанность во всех случаях обязательны для дипломата.** В этой связи Трояновский-старший ссылается на пример неудач, связанный с отзывом британского посланника в США лорда Секвила в 1888 г. в результате отосланного им письма в ответ на запрос американского гражданина английского происхождения относительно того, за какую кандидатуру в президенты Соединённых Штатов следует ему голосовать. Британский посланник дал совет голосовать за Кливленда. Запрос был провокационным и преследовал цель скомпрометировать не столько посланника, сколько Кливленда. Кливленд потерпел поражение на выборах, и лорд своим письмом, по видимому, способствовал этому поражению. Государственный секретарь потребовал от английского правительства отозвать неосторожного посла. (Отмечу, что «осторожность, как и сдержанность», думаю, относятся не только к работе с иностранцами. – В.С.).

Если продолжить тему об осторожности и сдержанности применительно к послевоенной внешней политике СССР, то «новое руководство, пришедшее на смену Сталину, – вспоминал О.А. Трояновский, – получило тяжёлое внешнеполитическое наследство. “Холодная война” достигла своего апогея. Если бы уровень международной напряжённости можно было измерять подобно температуре человеческого организма, то к началу 50-х годов она, вероятно, перевалила бы за 41 градус. При такой температуре у человека часто появляются бред и галлюцинации. Именно в таком состоянии пребывали тогда и многие руководители, определявшие политику государств, будь то в Соединённых Штатах или в Советском Союзе». Что касается ушедшего из жизни вождя народов, то «казалось, что в свои преклонные годы Сталин утратил ранее присущую ему осторожность и гибкость во внешней политике». А Вашингтон, со своей стороны, «действовал настолько прямолинейно и, можно сказать, нахраписто, что это стало беспокоить даже его английских союзников. В начале 50-х годов сам Уинстон Черчилль, как об этом свидетельствуют лондонские архивы, был серьёзно обеспокоен, как бы США не развязали атомную войну» [5, с. 173–174]. На каком-то этапе О.А. Трояновский стал осознавать, что и ссоры

собственных руководителей, их личные амбиции могут негативно отражаться на важнейших государственных делах и в качестве примера он приводил готовность западных делегаций, добивавшихся объединения Германии, пойти на серьёзные уступки советской стороне, «которая могла бы получить гораздо больше того, что она получила в результате объединения Германии в 1990 году» [5, с. 190]. «Вероятно, Хрущёв просто не хотел, – заключает он, – чтобы Молотов, отставка которого была уже предрешена, “заработал под занавес какие-либо лавры”» [5, с. 173–174].

Отсутствие выдержки и терпения у Хрущёва проявилось и в советско-китайских отношениях. «Такая импульсивность... объяснялась в значительной мере ещё и тем, что китайский радикализм нашёл определённый отзвук в самом Советском Союзе... А кое-кто полагал даже, что следует принести в жертву отношения с Соединёнными Штатами ради восстановления дружественных отношений с Китаем» [5, с. 349]. В случае с Карибским кризисом, когда «колесо закрутилось и в воздухе запахло порохом, оба лидера, – справедливо считает О.А. Трояновский, – проявили мудрость и выдержку. Они не стремились загнать противника в угол, наоборот, оставляли друг другу пусть узкий, но всё же выход из положения» [5, с. 255].

3) **Уделять больше внимания историческим вопросам.** В этой связи Трояновский-старший ссылается на пример английского Министерства иностранных дел (Форин оффис), где имеется специальный отдел, занимающийся изучением истории каждого вопроса, возникающего в практике этой организации; Государственного департамента США, в котором есть специальное бюро советника по вопросам истории; Франции, в бюро МИД которой по историческим исследованиям работали крупнейшие знатоки международных вопросов. Несомненно, интересны в этой связи воспоминания Трояновского-младшего о встречах со Сталиным, который однажды «сказал о том, что любой человек, который имеет отношение к внешней политике или политике вообще, должен хорошо знать историю, При этом рекомендовал изучать произведения немецких историков, которые, как он выразился, пахнут глубже, чем другие» [5, с. 161]. Воспоминания самого Олега Александровича – уникальный исторический источник, содержащий немало «написанных с натуры» политических портретов и сюжетов обстановки «холодной войны» в международных делах и смены действующих лиц внутри страны, влиявших на формирование советской внешней политики. Уже 16 апреля 1953 г. президент США Эйзенхауэр произнёс речь, в которой призвал новое советское руководство использовать имеющийся «шанс утвердить мир» [5, с. 175]. Несмотря на последовавшую потом резкую речь Джона Фостера Даллеса в худших традициях «холодной войны» и несклонность Молотова «раскрывать свои объятия», с Советской стороны последовал в целом позитивный ответ Эйзенхауэру, утверждённый Президиумом ЦК и опубликованный в «Правде» в качестве передовой статьи.

«Хрущёв и Молотов в это время достаточно продуктивно координировали свои действия на внешнеполитическом поприще», – замечает О.А. Трояновский. «Без долгих отлагательств» организовать конференцию на высшем уров-

не призвал великие державы Черчилль, чем вызвал раздражение заокеанских политиков. В этой связи он пишет, «как важно оценивать действия оппонентов без предвзятого мнения, объективно с учётом обстоятельств, сложившихся на данный момент» [5, с. 176]. В Женеве на совещании по корейскому и индокитайскому вопросам в 1954 г. американцы не подписали достигнутых соглашений, а только заявили, что принимают их к сведению. Но не прошло и месяца, как США «категорически отказались от признания Женевских договорённостей. Таким образом, были сорваны все соглашения, достигнутые в Женеве, в том числе и о проведении “свободных выборов” в странах Индокитая» [5, с. 180]. Тем самым Соединённые Штаты продемонстрировали, что они за «свободные выборы» в тех или иных странах, когда можно рассчитывать на их благоприятный для США исход, и против «свободных выборов», когда на такой исход рассчитывать не приходится.

Дальнейшие события, приведшие к вьетнамской войне, «показали, что ставка Вашингтона на военное решение вопроса оказалась их крупнейшей политической ошибкой» [5, с. 180]. Несомненно исторически важным является свидетельство О.А. Трояновского о высказывании Эйзенхауэра на его встрече с Хрущёвым в Женеве в 1955 г.: «С появлением атомного и водородного оружия многие представления, которые были правильными в прошлом, ныне изменились. Война в современных условиях с его применением стала ещё более бессмысленной, чем когда-либо прежде» [5, с. 192]. Замечание Эйзенхауэра подтвердила впоследствии история с Карибским кризисом, когда руководители обеих держав (прежде всего это касалось Хрущёва, которому и принадлежала идея разместить на Кубе ракеты) по-настоящему заглянули в бездну и «в ужасе отшатнулись» [5, с. 238]. В этой связи Трояновский напоминает, что в свое время в разгар «холодной войны» Даллес высказал мнение, похожее на афоризм: для успеха внешней политики не надо бояться подойти к самому краю бездны и заглянуть в неё. Отсюда в английский язык даже вошло слово *brinkmanship* – искусство ходить по краю. Воспоминания Олега Александровича несомненно ценны тем, что он находился в непосредственной близости при принятии советским руководством этого и других рискованных решений. Но подаётся это без тотального осуждения, а с учётом исторического контекста противостояния двух сверхдержав, когда, например, в случае с ракетным кризисом Хрущёв не считал возможным «воздерживаться от действий, не идущих дальше тех, которые предприняли сами американцы, окружив Советский Союз ядерным оружием фактически по всему его периметру. Он добавил, что они теперь утратили право ссылаться даже на доктрину Монро, поскольку США сами уже давно нарушили эту доктрину, ведь она предусматривает не только невмешательство европейских держав в дела западного полушария, но и отказ США вмешиваться в европейские дела» [5 с.242].

4) Необходимость изучения дипломатами экономических вопросов, на что ещё обращал внимание бывший во время Первой мировой войны госсекретарём США Роберт Лансинг. Приведём здесь пример, отражённый в книге Трояновского-младшего: «Много лет спустя Микоян в журнале, издаваемом Инсти-

тутот США и Канады, дал следующую характеристику отцу и их взаимоотношениям друг с другом: «Я был моложе его на 14 лет. Трояновский по своей хватке ничуть не уступал американским бизнесменам. Он успешно организовал дело, хорошо руководил аппаратом, совершенствовал методы его работы, научился торговать у капиталистов, так сказать, перенял дух коммерции. Поэтому все наши деловые встречи были для меня полезны, так как в то время (1924 г. – *В.С.*) я ещё слабо разбирался в вопросах торговли» [5, с. 41]. Даллес, например, на Берлинской встрече министров иностранных дел в 1954 г. «в шутку предположил, что Молотову с его выдающимися умственными способностями место на Уолл-стрите. А на замечание последнего, что у него нет для этого денег, заметил, что Уолл-стрит для того и существует, чтобы делать там деньги» [5, с. 178].

Любопытно сравнение О.А. Трояновским деловой культуры США и Японии, где «кардинальные вопросы внутренней и внешней политики страны... решаются консенсусом с участием основных политических деятелей и лидеров делового мира... Недаром американские бизнесмены, которых бесила непробиваемость японского рынка, называли всю Японию одним большим акционерным обществом» [5, с. 283]. Сравнения между японцами и американцами присутствуют и в других случаях. Например, характеризуя японского премьера Какуэйя Танаку, О.А. Трояновский писал: «Выходец из бедной семьи, человек, сделавший себя сам, как говорят американцы, сколотил большое состояние и создал самую многочисленную в Либерально-демократической партии фракцию... Танака был чрезвычайно энергичный, можно сказать, пробивной человек, не брезговавший средствами для достижения цели, что его в конечном итоге и погубило». «Какуэй Танака плохо кончил. Он был осуждён по шумному делу о получении рядом японских деятелей крупных взяток от известной американской корпорации «Локхид» и провёл часть своей последующей жизни в тюрьме» [5, с. 285, 290].

Необходимость для США, да и для СССР, учитывать японский фактор в экономической области прослеживается и в других местах книги «Через годы и расстояния»: «За сравнительно короткий период она (Япония. – *В.С.*) преодолела послевоенную разруху, перестроила свою экономику и вышла на третье после США и СССР место в мире по валовому национальному продукту. А по некоторым показателям японская промышленность уже поджимала Соединённые Штаты. В те годы японцы любили приводить высказывание Генри Форда-младшего о том, что при слове “Япония” его кровяное давление поднимается на 10 пунктов» [5, с. 294–295].

Находясь в этой стране, Трояновский-младший, уже достаточно глубоко изучивший её экономику, приходил к выводу: «Япония значительно отличается, скажем, от Соединённых Штатов, где решение в области политики и экономики зависит от множества различных сил, которые тянут в разные стороны. Это бывает менее ощутимо при сильном президенте и гораздо острее чувствуется при слабой администрации» [5, с. 298].

«Можно ли считать работу отца в Вашингтоне успешной? – задавался вопросом О.А. Трояновский и сам отвечал: Если судить о ней по конкретным результатам, ответ, пожалуй, должен быть отрицательным. Ему не удалось урегулировать ни вопрос о долгах и кредитах, ни выполнить личное поручение Сталина о строительстве в США линейных кораблей для советского флота. Но, быть может, контакты, которые он установил во время пребывания в США, особенно откровенные беседы с президентом Рузвельтом, его многочисленные публичные выступления, интервью и пресс-конференции помогли заложить основы для более продуктивного советско-американского диалога в последующие годы, а затем и для союзнических отношений во время войны» [5, с. 81–82].

5) **Вопросы укрепления культурных связей.** При президенте Рузвельте Госдепартамент создал пять комитетов, которые руководили расширением культурных связей с иностранными государствами. Сам Трояновский-старший, будучи ещё послом в Японии, взял на себя смелость перечислить театру Кабуки 70 тыс. иен для гастролей в Советском Союзе из средств для строительства нового здания посольства. Посол получил выговор от Политбюро, но гастроли прошли с большим успехом, что способствовало улучшению политического климата между странами, да и посольству стало работать легче [5, с. 44]. В Соединённых Штатах при А.А. Трояновском в советском посольстве «устраивались концерты: выступали великий композитор Сергей Прокофьев, ведущий тенор “Метрополитен-опера” Джованни Мартинелли, приходил совсем тогда юный Иегуди Менухин, который очень интересовался жизнью в Советском Союзе. Устраивались в посольстве и своего рода диспуты на различные международные темы, на которые приглашались видные журналисты из различных стран, аккредитованные в Вашингтоне... были в посольстве И. Ильф и Е. Петров в начале своей поездки по США, в результате которой появилась книга “Одноэтажная Америка”» [5, с. 62–63].

Во время пребывания Трояновского-младшего в Нью-Йорке дни были также достаточно наполнены развитием несомненно полезных культурных связей, хотя возникали некоторые досадные эпизоды: «Случались хулиганские выходки и против советских артистов, гастролировавших в США, – пишет О.А. Трояновский. – Во время концерта Владимира Спивакова в Карнеги-холл в него был брошен пакет с краской. Едва не был сорван концерт Елены Образцовой в одном из городов Флориды, когда на сцену подбросили мышей. Памятуя о подобных случаях, Эмиль Гилельс на первой же пресс-конференции, предшествовавшей его выступлениям, заявил, что если хоть на одном из его концертов кто-нибудь позволит себе хулиганскую выходку, он немедленно прервёт гастроли и больше никогда в Соединённые Штаты не приедет. Все его концерты прошли спокойно» [5, с. 311].

Несомненно любопытным предстаёт в книге роль культурного фактора в начале Карибского кризиса, когда «вечером следующего дня Хрущёв с несколькими членами Президиума посетил Большой театр, давали “Бориса Годунова” с американским певцом в главной роли. Это должно было продемонст-

ризовать, что в Кремле всё спокойно» [5, с. 245–246]. Достигнутая через несколько тревожных дней договорённость в Белом доме была воспринята как крупная победа. «И не без оснований. Рассказывают, будто в этот день, 28 октября, Джон Кеннеди вспомнил, что президент Линкольн был убит в театре вскоре после крупнейшей победы в его жизни. И он сказал своему брату: “Сегодня вечером мне бы тоже следовало пойти в театр”. Так мрачно шутя, подмечает О.А. Трояновский, – он, конечно, не предполагал, что для него роковой день наступит год спустя» [5, с. 252–253]. Находясь в Америке, О.А. Трояновский то и дело вспоминал о своём японском опыте, когда, например, премьер-министр Сато, осмотрев советский павильон на Всемирной выставке в Осаке в 1970 г., сказал ему, «что, будучи союзником Соединённых Штатов, он хотел бы похвалить американский павильон, но должен признать, что советский на голову выше» [5, с. 302].

Уникальность дипломатического портрета Олега Трояновского передаётся весьма меткими мазками типа: «...феномен светского и советского – и русского – человека...» [4, с. 132]; «его эрудиция, мягкие манеры помогли ему найти подход и нужные слова в отношениях с западными дипломатами, особенно американскими, которые воспринимали его как человека почти своей культуры и, к тому же, с семейной традицией, в прошлом связывавшей его с Америкой» [4, с. 118]. Председатель Сената Парламента Республики Казахстан, Чрезвычайный и Полномочный посол, Почётный доктор Дипломатической академии МИД РФ К.-Ж. Токаев, в своё время трудившийся под руководством О.А. Трояновского в советском посольстве в Пекине отмечал такие его качества, «как подлинная интеллигентность, высочайший профессионализм, гражданская ответственность» [4, с. 56].

Посол Ю.Е. Фокин вспоминает, среди прочего, коммуникабельность Олега Александровича, который, находясь на посту Постпреда СССР при ООН в Нью-Йорке, очень много делал для развития разнообразных контактов в стране пребывания. Например, «должен сказать, что постоянными гостями в Представительстве стали служители Русской Православной Церкви, мы подружись с синагогой напротив нашего Представительства при ООН и т.д.» [4, с. 31].

О.А. Трояновский достаточно трезво оценил специфику своего нового назначения на пост Постпреда СССР при ООН, заметив, что «прежде всего масштабы работы отличались, как небо от земли. Чем ближе я знакомился со своей новой епархией, тем больше ужасался её беспредельности. Передо мной возвышался какой-то Кавказский хребет в виде множества так называемых специализированных учреждений, комитетов, подкомитетов, комиссий и подкомиссий... Помнится, был случай, когда в один вечер и часть ночи мне пришлось подписать 26 телеграмм» [5, с. 313–314].

Для его предшественника, хорошо известного и неоднозначно оцениваемого дипломата Якова Малика, казалось, вообще такой проблемы не существовало. При довольно спорадическом складе характера и стиля работы он мог уже поздно вечером, по образному выражению одного из его заместителей, «не дать вытащить ногу из второй штанины и вызвать по телефону из квартиры в свой

кабинет». Отдыхал Малик иногда на представительской даче, играя в городки и лихо снося при этом всевозможные фигуры. Трояновский же предпочитал теннис, вежливо направляя «точечные удары» на половину корта противника.

Можно сказать, что и на заседаниях в ООН с приездом Трояновского стиль поведения нашей дипломатии несколько изменился, тем более, что министр Громыко, знавший все тонкости этой организации, пожалуй, лучше, чем кто-либо другой, разумно посоветовал ему воздерживаться от конфронтационного стиля, не увлекаться полемикой с представителями других стран, особенно малых. Этот совет оказался как никогда кстати и не только в отношениях со странами малыми.

Пост в ООН никогда не был лёгким делом, но почти десятилетие пребывания на нём О.А. Трояновского оказалось на редкость хлопотным, если не сказать, коварным. Стараниями местных экстремистов его однажды перед началом заседания в Совете Безопасности облили красной краской. Выручало уникальное чувство юмора: «Лучше быть красным, чем мёртвым», – скажет он журналистам, перефразируя ставшее хрестоматийным выражение «*Better dead, than red*». Возможно, О.А. Трояновский вспоминал в этот момент своего отца, который в беседе с послом США Буллитом 23 ноября 1935 года сказал: «У нас существует поговорка: “Полюбите нас чёрненькими, а беленькими нас всякий полюбит”». И добавил, что в данном случае эту поговорку можно видоизменить: «Полюбите нас красненькими, а беленькими нас всякий полюбит» [5, с. 73]. Трояновского-старшего вообще отличала находчивость. Когда в Госдепартаменте США не очень вежливо отклонили его просьбу обеспечить приём в Белом доме советских лётчиков-героев беспосадочного полёта В.П. Чкалова, Г.Ф. Байдукова и А.В. Белякова, он позвонил Маргарите Леханд, личному секретарю Рузвельта, и повторил свою просьбу. Она ответила, что постарается что-нибудь сделать. И в конечном счёте Рузвельт оказал Чкалову и его товарищам очень тёплый приём.

Испытания для Трояновского-сына в ООН, от трагикомичных до драматичных, следовали, казалось, одно за другим. Обратимся к некоторым его воспоминаниям: «Кому-то в Москве (я так и не выяснил, кому именно) пришла в голову хитрая идея выступить на сессии Генеральной Ассамблеи с проектом резолюции, осуждающей гегемонизм в любых его формах. Ход этот произвёл сильное впечатление на многих делегатов: одни восхищались ловкостью “этих русских”, которые ухитрились свалить свою проблему с больной головы на здоровую, другие с иронической улыбкой интересовались у китайских представителей, какую позицию они намерены занять, третьи ломали голову, каким именно образом можно было бы повернуть внесённый проект резолюции против её авторов». Сам Трояновский не был в восторге от этой инициативы, но, выполняя поручение, сделал всё возможное для её продвижения, назвав потом всю эту затею «не дипломатией, а, скорее, игрой в дипломатию». Мудро следуя совету Громыко, он не стал затевать больших схваток вокруг представленных различными делегациями поправок и в итоге рапортовал, что «советский проект резолюции принят с учётом ряда поправок» [5, с. 293–294]. Как

представляется, остроумная инициатива с осуждением гегемонизма по тому времени скорее являла собой наш так называемый диалектический подход к борьбе идей в многосторонней дипломатии, когда вместо бессмысленной словесной перепалки предлагались ходы, заставлявшие главного оппонента потрудиться, скажем так, над совершенствованием собственной аргументации.

А.А. Громыко, видимо, по-своему ценил О.А. Трояновского и, как говорили, на некоторые предложения влиятельных лиц назначить такого опытного дипломата на должность заместителя министра неизменно якобы отвечал: «Но у нас же там пос-то-ян-ный представитель». Трояновский также, по-своему, ценил Громыко, особенно во время его визитов в ООН: «Не могу сказать, что Громыко определял внешнюю политику страны, точнее, он претворял в жизнь, иногда вопреки собственным желаниям, тот курс, который устанавливался политическим руководством. Но исполнителем, надо отдать ему должное, он был первоклассным» [5, с. 317].

Где-то к концу 1979 г. «первоклассный исполнитель» Громыко направил своему подчинённому «на исполнение» конфиденциальную телеграмму, в которой поручалось, если ввод советского воинского контингента в Афганистан станет предметом обсуждения в Совете Безопасности, «защищать нашу позицию, ссылаясь на статью 51 Устава, в которой говорится о неотъемлемом праве на индивидуальную или коллективную самооборону». Телеграмма пришла ещё до фактического ввода войск в эту страну, но можно было, не напрягая воображения, почувствовать, что постпредству предстоят невесёлые дни. Аргументация, содержащаяся в телеграмме, не выдерживала никакой критики, тем более, что «согласно той же статье 51 какие-либо меры, предпринятые для индивидуальной или коллективной самообороны, “не должны затрагивать полномочий и ответственности Совета Безопасности... в отношении предпринятия в любое время таких действий, какие он сочтёт необходимым для поддержания или восстановления международного мира и безопасности”» [5, с. 327]. Наши дипломаты были очень слабо вооружены фактами. Приходилось довольствоваться скудными сведениями из московских газет и радиопередач.

Между тем представитель США Дональд Макгенри в своём выступлении в деталях рассказал, что происходило в Кабуле в ту ночь, когда там был убит Амин и произошла смена власти. Оказалось, что ЦРУ располагало в Афганистане хорошими источниками информации. Благодаря вето Советского Союза резолюция не была принята, но предстояло ещё обсуждение афганского вопроса на Генеральной Ассамблее. «Мы отбивались как могли, – вспоминал О.А. Трояновский, – но всё это было достаточно неприятно. В заключение была принята резолюция, поддержанная сотней с лишним стран (!). С трудом набралось тридцать с небольшим голосов против или воздержавшихся... На каждой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, как своего рода ритуал, ставился и обсуждался этот вопрос, и каждый раз принималась... резолюция, направленная против Советского Союза» [5, с. 329–330]. Он не уточнял, впрочем, почему против нас голосовали многие страны – члены ООН, они же члены Движения неприсоединения (ДН), считавшиеся нашими «естественными союзни-

ками». И дело здесь, видимо, не только в кознях американцев, поддержанных Пакистаном и некоторыми другими странами, а в нарушении одного из ключевых принципов жизнедеятельности ДН – невмешательстве во внутренние дела других стран, чего, видимо, не совсем осознавал и многоопытный исполнитель Громыко, считавший, по свидетельству ряда высокопоставленных дипломатов (например, В.Л. Исраэляна), «мышью вознёт» отмеченный выше ритуал голосования в Генеральной Ассамблее. Точно также при оценке юридической силы резолюций ГА ООН следует иметь в виду не юридическую форму, а их политическое значение для международного сообщества и влияние на внутреннюю и внешнюю политику отдельных государств.

О.А. Трояновский, конечно, не мог за девять лет работы в ООН не понять значения «Движения неприсоединения» в многосторонней дипломатии. Не случайно, уже находясь в отставке, он в своём выступлении 2 апреля 1999 г. на «Круглом столе» в Фонде Горбачёва по теме «Организация Объединённых Наций на пороге XXI века» посвятил целый пассаж этому важному фактору международной жизни: «...в Организации Объединённых Наций, во всяком случае, в прежние времена очень большое влияние имело “Движение неприсоединения”. И тогда это было вполне понятно, потому что его создали такие крупные личности, как Неру, Тито, Насер, Сукарно. И это движение имело очень большое влияние в ООН. А поскольку наши интересы с ними во многом совпадали, то это придавало и нам большие возможности.

Сейчас, как я понимаю, влияние неприсоединившихся стран уменьшилось. Но всё-таки, мне кажется, нам не следует забывать о странах «третьего мира». Между тем, у нас сейчас эти страны стоят на каком-то третьем или четвертом месте...

Хорошо помню выступление Фиделя Кастро в Организации Объединённых Наций. Он тогда был председателем "Движения неприсоединения". Я не слышал другой такой овации, которая последовала за его выступлением. И, мне кажется, это понятно. Многие хотели бы поругивать американцев, но боязно всё-таки. А тут вышел на трибуну человек, который совершенно свободно критиковал США...

И поэтому мне кажется, нам нужно больше внимания обращать на страны «третьего мира». Необязательно давать им оружие или деньги, что мы не можем сейчас делать. Но во всяком случае какое-то уважительное отношение к ним должно быть» [4, с. 137–138]. Эти рассуждения О.А. Трояновского могли быть в немалой степени продиктованы достаточно глубоким осмыслением «афганских уроков».

Всё сказанное не отменяет, конечно, жестоких реалий, о которых собирался напомнить уже бывший министр Громыко в неотправленном, к сожалению, письме Съезду народных депутатов СССР, где было отмечено «стремление тогдашнего правительства США дестабилизировать обстановку на южном фланге советской границы и создать угрозу нашей безопасности» [1, с. 67].

Не менее драматичным моментом в отношениях с ООН был эпизод, связанный с трагедией южнокорейского гражданского авиалайнера «Боинг-747», сби-

того, как утверждалось, советским истребителем 1 сентября 1983 г. В наши дни ещё продолжаются независимые расследования этой трагедии, например, французским исследователем Мишелем Брюном, который пришёл к выводу, что этот самолёт, участвовавший в масштабной разведывательной операции США, мог быть сбит в 400–500 км от японского города Ниигата либо японскими, либо американскими истребителями, которые были массово подняты по тревоге и летали именно в указанном районе [2]. Для О.А. Трояновского, как и в случае с Афганистаном оказавшегося в роли камикадзе, положение вновь осложнялось тем, что в течение нескольких дней наши официальные средства массовой информации публиковали различные уклончивые сообщения, «не решаясь признать, что самолёт был сбит советским истребителем» [5, с. 330]. Это обстоятельство использовалось в западных странах для разжигания антисоветской кампании. При этом ряд сомнительных моментов полёта корейского самолёта, дававших основания подозревать его в сборе разведывательной информации, нашими СМИ не освещался. Это было сделано только на пресс-конференции 9 сентября 1983 г. Но к тому времени инициатива в пропагандистском соревновании была уже упущена. По просьбе США состоялось заседание Совета Безопасности. В отличие от скудных данных о событиях в Афганистане, наша делегация была более или менее вооружена фактическим материалом. Поэтому требуемое большинство в девять голосов авторы соответствующей резолюции, осуждающей действия Советского Союза, сумели набрать с большим трудом. И если бы не голос Мальты, представитель которой под нажимом США поддержал резолюцию (в печати даже были сообщения, что США купили голос Мальты), проект резолюции вообще провалился бы без использования советским представителем права вето.

Весьма мудрыми в связи с этим инцидентом представляются соображения О.А. Трояновского о пропагандистском обеспечении тех или иных акций: «Между тем пропаганда (пусть вместо этого слова используют такие эвфемизмы, как «отношения с общественностью») должна базироваться на научной основе. Ни один мало-мальски важный политический ход, если рассчитывать на успех, не должен быть сделан без предварительной серьёзной психологической проработки с целью его пропагандистского обеспечения. Надо признать, что в этой области американцы достигли значительно более высокой квалификации, чем мы. Достаточно сравнить тот пропагандистский эффект, которого они добились в истории (весьма сомнительной, скажем мы теперь. – *В.С.*) с корейским самолётом, с приглушенной реакцией в мире, когда через несколько лет американской ракетой был уничтожен иранский лайнер, и погибли многие десятки пассажиров» [5, с. 331].

Возьму на себя смелость добавить ещё одно соображение. О.А. Трояновский, при всех его достижениях на других участках работы, именно за годы, проведённые в ООН, несомненно вырос как профессионал высокого класса. Об этом свидетельствуют его краткие и вместе с тем ёмкие, глубокие обобщения и оценки ооновской проблематики. Если раньше сама принадлежность к фамилии Трояновских как бы опережала, была почти в буквальном смысле ви-

зитной карточкой её носителя, то теперь достоинством писаний автора становится их понятность и доступность широкому кругу читателей, а это в конечном счёте и есть то главное, к чему стремится не только познающий, но и ищущий созвучности своим размышлениям некий знаток.

Несомненно, интересны оценки О.А. Трояновским личности Хрущёва в его отношениях с американскими журналистами: «Хрущёв с уважением относился к западным, особенно американским журналистам за их активность и трудолюбие. Он восхищался Маргарет Хиггинс из газеты “Нью-Йорк геральд трибюн”, видя, как она, будучи на седьмом месяце беременности, протискивалась через толпу журналистов. Он высоко ценил Гаррисона Солсбери из “Нью-Йорк таймс” не только за его глубокие комментарии, но и за то, что тот, став уже известным писателем, готов был спать ночью в своей машине у советского представительства, лишь бы не пропустить какое-нибудь непредвиденное происшествие. Это чувство уважения, по-видимому, было взаимным, поскольку Солсбери посвятил Хрущёву целую главу в своей последней книге “Герои моего времени”» [5, с. 230].

Не менее любопытными предстают воспоминания О.А. Трояновского о другом советском руководителе Анастасе Микояне во время его поездки в США в 1959 г.: «В Вашингтоне Микояну предложили выступить в известной программе “Встреча с прессой”, где Анастас Иванович должен был отвечать на вопросы пяти ведущих американских журналистов. Наш тогдашний посол в США Михаил Меншиков стал уговаривать его отказаться от приглашения, говоря, что дело кончится скандалом. Микоян отвел аргументы посла, сказав: “Послушайте, если я, член Политбюро, не смогу справиться с каким-то журналистом или несколькими журналистами, то куда мы все годимся?”» [5, с. 216]

Он действительно справился со всей этой компанией*. Приведу только один отклик из такой солидной газеты, как «Вашингтон пост»: «...Рискуя подвергнуться нападкам всех бешеных собак из правой печати, осмеливаюсь высказать мнение, что Микоян проявил себя чрезвычайно хорошо в поединке с некоторыми из наших самых крутых журналистов, вроде Маркиза Чайлдса из газеты “Сент-Луис пост-диспэтч”, Сесилия Брауна из “Нэшнл бродкастинг корпорейшн”, Гарри Шварца, специалиста по русским делам газеты “Нью-Йорк таймс” и Лоренса Спивака, который проявил себя как последний осёл. Микоян выказал обаяние, разумность и быстрый ум, гораздо более быстрый, чем у Спивака, который в одном случае потерпел полный провал в обмене репликами с Микояном... И далее в таком же духе» [5, с. 217].

Дипломатическая биография О.А. Трояновского вместила, конечно, значительно больше, чем данная статья – от Нюрнбергского процесса после оконча-

* Полагаю, что важную роль здесь сыграл лично Олег Александрович, хорошо знавший не только английский язык, но и особенности языка самого Микояна, не всегда лёгкого, как говорили, для понимания людей, близко его не знавших.

ния войны^{*} до успешной дипмиссии в Пекине, уже в конце XX века. Обозреватель «Известий» С. Кондрашов справедливо отмечает: «Как многоопытный и весьма умудрённый человек, Трояновский не относится к той категории умозрительных политологов, которые настаивают на искусственной дилемме – либо с США и Западом, либо с Китаем при общей ориентации на Восток. Его позиция: “Чем глубже и прочнее станут корни российско-китайских связей, тем стабильнее станут отношения с Вашингтоном, который должен будет в большей степени считаться с интересами нашей страны”» [4, с. 131]. В то же время такой авторитетный специалист как академик С.Л. Тихвинский признаёт, что прежде он сам «во многом был не прав, говоря о несогласии своим с некоторыми положениями книги О.А. Трояновского» [4, с. 23]. Речь шла, в частности, о Китае или о Конференции в Сан-Франциско. «Тогда Олег Александрович утверждал, что было большой ошибкой, что мы не подписали Мирный договор Сан-Франциско с Японией. И тогда мне казалось и многим казалось, что это был тактический ход, ведь всего два года прошло, как возникла Китайская Народная Республика. Американцы и их союзники ни в коем случае не хотели допустить Китай в качестве участника Сан-Францисской конференции. Это было, конечно, величайшей глупостью со стороны американцев, и тому нет никакого исторического оправдания, потому что Китай первый из всех государств вступил в войну с Японией. Вернее, японцы напали первыми на Китай 18 сентября 1931 года» [4, с. 24].

Дальше крупномасштабная война 1937–1945 гг., ни один народ не потерпел от японцев столько бед, как китайский, и поэтому, когда американцы заблокировали доступ Китаю, не пригласили китайскую делегацию на конференцию в Сан-Франциско, Сталин дал команду не подписывать Сан-Францисский договор. Прошло много времени, много книг появилось в самом Китае, и, как ни странно, ни одного слова благодарности СССР, России за этот шаг, который лишил нас возможности поставить точку в войне с Японией. А сами китайцы заключили договор с Японией.

Видимо, соображения пролетарского интернационализма были главенствующими у тогдашнего руководства. И то, что в Китае возник коммунистический режим, в какой-то степени нас радовало, и было правильно. А для Китая это был выход исторического значения. Но трансформация китайского режима сейчас уже требует объективной оценки и позиции СССР в отношении конференции в Сан-Франциско. «Олег Александрович уловил, что мы поступили тогда не так, как должны были поступать, т.е. мы не руководствовались национальными интересами нашей державы, а в какой-то степени соображениями интернационализма» [4, с. 24].

Америке, ставшей Трояновским по-своему очень близкой, нередко по делу «достаётся» от сына первого полпреда. Говоря о роли США как единственной оставшейся сверхдержаве, он напоминает о судьбе Габсбургской империи, на-

^{*} Представляют, например, интерес зарисовки им допроса Геринга американцем Робертом Джексонем, «который построил его столь неудачно, что, по общему мнению, нацист № 2 выиграл его по очкам без особого труда» [5, с. 117].

полеоновского периода и, наконец, гитлеровского правления: «... я бы сказал, что мы вступили в довольно опасное время. Причём, эта опасность, скорее всего, будет нарастать» [4, с. 135]. И в то же время О.А. Трояновский справедливо напоминает: «Вся история советско-американских отношений убедительно показывает, что, когда эти государства шли курсом на взаимопонимание и сотрудничество, выигрывали их народы, выигрывал и всеобщий мир и безопасность» [4, с. 163].

Эта статья начиналась с описания личности и судьбы выдающегося дипломата О.А. Трояновского как некой принадлежности советской элиты. Вспоминается, что в годы пребывания в США в большом ходу было ставшее почти подлинно американским английское слово “истеблишмент”, не всегда имевшее лестную коннотацию. Шли годы, и это слово из американских реалий каким-то причудливым образом переключалось в нашу жизнь. Интересны на этот счёт размышления С. Кондрашова: «Истеблишмент, как и демократия, – иностранное слово, понятное русским меньше, чем, к примеру, американцам. Но по смыслу оно точнее – и ответственнее, чем отдающее спесью другое модное нынче словцо – элита ...

Если хотите, истеблишмент – это государственно мыслящая аристократия ума, опыта, ответственности, достоинства. Совершив своё путешествие “через годы и расстояния” Олег Александрович Трояновский, повторим, «феномен светского и советского – и российского – человека, остаётся одним из её представителей» [4, с. 132].

Таковы некоторые зарисовки из жизни известной династии дипломатов Трояновских, изучение наследия которых, разумеется, потребует ещё большего прилежания, поскольку это наследие не только увлекательно, но и поучительно.

Обновляющейся России исключительно необходимы вдохновляющие примеры из истории её выдающихся деятелей.

Список литературы

1. *Громыко Анатолий*. Андрей Громыко. Полёт его стрелы. Воспоминания и размышления сына. М.: «Научная книга», 2009.
2. *Поросков Н.* Непредсказуемое прошлое // Время новостей. 2.09.2009.
3. *Сатоу Э.* Руководство по дипломатической практике. Перевод с английского под редакцией и со вступительной статьёй А.А. Трояновского. М.: Государственное издательство политической литературы, 1947.
4. *Трояновский Олег.* Из когорты выдающихся дипломатов. М.: Научная книга, 2010. 255 с.
5. *Трояновский Олег.* Через годы и расстояния. М.: Вагриус, 1997. 382 с.